

АСПЕКТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛА И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ

А. И. КУЗНЕЦОВА

Понятие аспектуальной деривации (в широком смысле термина) включает в свой состав два понятия — понятие глагольного вида и понятие, которое называется многими (до сих пор не общепринятыми) терминами, — подвидом (А. А. Шахматов), способом глагольного действия (А. Достал, Фр. Копечный, Вл. Шмилауер, Ю. С. Маслов), характером действия (В. Поржезинский), совершаемостью (А. В. Исаченко) и т. п. Одним из первых попытался разграничить два данных понятия в работе 1908 г. шведский лингвист С. Агрелль, введя термин «аспект» (Aspekt) для грамматического понятия «вид», и Aktionsart для второго понятия, имеющего в русском языке много наименований, частично перечисленных выше. Суть второго понятия, которым пользовался ученик С. Агрелля К. Регнелль, а также слависты А. Лескин, Э. Бёме, В. Вондрак и др., сводится к обозначению семантических функций аффиксов, уточняющих, как именно совершается то или иное действие. В России многие лингвисты уже в XIX в. обращали внимание на необходимость провести грань между чисто грамматической и семантической проблематикой при анализе глагольной деривации (как, напр., Г. К. Ульянов, Ф. Ф. Фортунатов и др.), однако специальных терминов не вводили, хотя аспектологи уделяли этому вопросу большое внимание. Что касается самих терминов, то не только в период возникновения интереса к данной проблеме, но и в настоящее время приходится иметь дело со все еще не устоявшейся терминологией, и это затрудняет взаимопонимание исследователей-языковедов, особенно — типологов. Такая ситуация характерна не только для русистики, но и для самодистики, конкретно — для селькупского языка, о котором и пойдет речь в дальнейшем.

В XX в. описанию аспектуально-акциональной деривации в северных диалектах селькупского языка (т. е. описанию ее как с грам-

матической, так и с семантической точек зрения) были посвящены разделы в монографии [Прокофьев 1935], работа А. И. Кузнецовой, Е. А. Хелимского и Е. В. Грушкиной [Очерки 1980], отдельные статьи разных авторов и диссертация Л. А. Варковицкой [Варковицкая 1947]. Единой терминологии в работах по селькупскому языку до сих пор не выработано; используется разная транскрипция; далеко не всегда согласуются взгляды всех авторов, собиравших к тому же материал в различные периоды функционирования селькупского языка: в 1920-е, 1940-е, 1960—1970-е гг., а затем и в последующие десятилетия, в том числе — на грани тысячелетий. Тем не менее, можно попытаться, воспользовавшись достаточно представительным материалом, обсудить хотя бы часть вопросов, связанных с аспектуально-акциональной деривацией, в первую очередь, с проблемами совершаемости, под которой понимается *семантическая модификация исходного простого (или производного) глагола*, выражаемая формальными средствами (в селькупском языке — суффиксами).

К деривационным суффиксам в глагольной системе северных (тазовско-туруханских) селькупов относят не только показатели вида и показатели совершаемости (или иначе — способов глагольного действия), но и суффиксы так называемых категорий залогового значения (транзитивности / интранзитивности, рефлексивности, каузативности), а также суффиксы субстантивной репрезентации глаголов (имена действия I и II). Некоторые суффиксы аспектуальной деривации совпадают с залоговыми показателями, другие — с показателями возвратности, что позволяет говорить о синкретизме значений таких морфем. Особое внимание проблемам взаимосвязанности грамматических категорий в селькупском глаголе уделяла в своей диссертации Л. А. Варковицкая. На материале баишенского говора она пыталась «размотать» запутанный клубок взаимозависимости аспектуально-акциональных категорий и категорий переходности / непереходности, возвратности, типа спряжения, времени и наклонения.

Неоднократно в своей работе Л. А. Варковицкая указывала на принципиальное различие видовой системы селькупского и русского глаголов. Она отмечала, что в селькупском языке «нулевые» глаголы, в отличие от «формативных» (т. е. оформленных деривационными суффиксами, иначе — формантами), выражают более широкое общее значение и не имеют «никакой видовой характеристики (нейтральны к видам)». Именно этим «видовая система селькупского глагола противопоставляется видовой системе русского глагола, где каждый глагол включен в видовую систему и, следовательно, не-

пременно имеет ту или иную характеристику и, наоборот, сближается в этом отношении с системой видов в тюркских языках, в китайском языке и т. д.» [Варковицкая 1947: 167]. Говоря, что «виды селькупского глагола более разнообразны (более многочисленны), чем виды русского глагола», что «почти любой глагол может быть нейтрален к виду» и что «возможность употребления того или иного вида (*т. е. возможность сообщения глаголу дополнительного смыслового оттенка* (выделено мной. — А. К.)) зависит от семантики самого вида», Л. А. Варковицкая фактически стирает границу между понятиями *Aspekt* и *Aktionsart* и во многом права. Авторы «Очерков по селькупскому языку», утверждающие, что «каждый глагол обязательно относится к определенному виду» (следует напомнить, что в русском языке встречаются и двувидовые глаголы. — А. К.) и что «глаголов, стоящих вне данной категории, нет» [Очерки 1980: 209; 217], в то же время указывают, что «очень часто видовые значения не находят формального выражения с помощью специального видового показателя» и что «для ряда глаголов... видовая принадлежность пока не установлена» [Очерки 1980: 210]. Вырисовывающиеся при типологическом сравнении селькупского языка с русским проблемы требуют более детального рассмотрения в дальнейшем для обоих языков, что выходит за рамки данной статьи, как и вопросы, касающиеся категорий залогового характера.

Селькупский язык в плане аспектуально-акциональной характеристики имеет свои особенности и в сравнении с близкородственным ненецким языком. Так, селькупский язык (по крайней мере, его северные говоры), по наблюдениям Л. А. Варковицкой, «не имеет специальных показателей числа объекта в глаголе» [Варковицкая 1947: 101]. В то же время, наоборот, в ненецком (как и в других северных самодийских языках — энецком, нганасанском) именно глагол оформляется специальным показателем числа объекта (Sg, Du, Pl) [Прокофьев 1937: 40]. По словам Л. А. Варковицкой, «современному сознанию (к тому же сознанию иноязычного) непонятна та система классификации, на основании которой противопоставлялись глаголы возвратные (не собственно-возвратные) и непереходные, особенно потому, что в селькупском языке это противопоставление вообще нечетко; свидетельством же тому, что в самоедских языках противопоставление глаголов возвратных и непереходных резко определено, служит то, что в ненецком языке (а также и в энецком и нганасанском) глаголы, по природе возвратные, никогда не оформляются суффиксами непереходного спряжения» [Варковицкая 1947: 209—210].

В современном селькупском языке насчитывается более 20 совершенностей, причем показатели части из них могут присоединяться к любым глагольным основам, а некоторые — только к основам глаголов определенного лексического значения. В одних случаях порядок следования аспектуальных показателей строго ранжирован, в других — произволен. Вариативность суффиксов аспектуальной деривации, обусловленная фонетически, подробно описана в «Очерках по селькупскому языку» [Очерки 1980: 209—233, 250—253], поэтому в дальнейшем речь пойдет не столько о дистрибуции этих суффиксов, сколько об особенностях их функционирования и значения. Акцент будет делаться также на закономерностях порядка следования и количества суффиксов в слове, на возможности появления дублетных форм от одной и той же основы (в том числе — от связанных основ). Рассмотрению преимущественно подвергнутся вопросы, ранее, как правило, не замечавшиеся лингвистами, но всегда создававшие большие трудности при грамматическом анализе селькупского текста и ставшие в последнее время особенно заметными (при получившем широкое распространение типологическом анализе) и затрудняющими его проведение.

1. Акциональные разновидности глагольных совершенностей, имеющих общие суффиксы.

В современном селькупском языке (в тазовско-туруханском диалекте) среди множества способов глагольного действия встречаются совершенности, объединяемые обычно каким-либо одним термином и общим набором суффиксов, но различающиеся значениями, напр. — характером действия (в двухактно-финитной совершенности), специфическими оттенками повторяемости действия (в группе фреквентативных совершенностей), отношением между субъектом и действием (узальная совершенность) и некоторые другие [Очерки 1980: 224—226, 228—231].

В качестве примера такого типа семантико-словообразовательных глагольных группировок можно рассмотреть *плюралитативную* (множественную) *совершенство*, подразделяемую исследователями иногда на несколько разных совершенностей, называемых, например, мультиобъектной и мультисубъектной (см. [Очерки 1980]), что не охватывает всех случаев множественности, выражаемой как простыми, так и усложненными суффиксами. При множественной совершенности неоднократно производимое действие может осуществляться одним субъектом над одним или многими объектами; мно-

гими субъектами над одним или многими объектами. Каждая из четырех разновидностей данного способа глагольного действия имеет свою специфику, которую необходимо учитывать как при анализе акциональной системы в одном языке, так и при типологических исследованиях. Плюралитативная совершаемость обозначает:

1а). Действие, которое производится одним субъектом над одним объектом один (*pat-ül-qo* ‘обезжелчить рыбу, вынуть желчный пузырь’) или несколько раз, что в последнем случае чаще, чем в первом, выражается, как правило, усложненным вариантом суффикса Plur.: *Temny-m-ty* (Веревка-Acc.Sg-Px3Sg) *səp-ül-šl-ny-ty* (ломать, рвать-Plur. + Plur.-Pres. / Indikat.-3Sg) ‘Веревку свою поразорвал’; *Imyl'anty mat-ül-šl-ny-ty* ‘Бабушку свою поразрезал’ (из сказки). В результате подобных действий вместо одного объекта появляется множество их (куски веревки, мяса бабушки в данных примерах). Ср. аналогичные формы от глаголов *tun-ül-šl-qo* ‘погибать что-то (много раз)’, *mant-ül-šl-qo* ‘порассмотреть (что-либо)’.

1б). Действие производится одним субъектом над разными объектами в несколько приемов: *Kandaraška qum-(y)ty-p* (Acc.P1) *ap-qyl-ny-t* (есть-Plur.-Aor. / Indikat.-3Sg) ‘Кандарашка (имя людоеда) людей ел / съел’ (в данном примере и объект, и действие, производимое над ним, имеют показатели множественности).

Однако формальная и смысловая выраженность может быть нарушена; прямое дополнение при глаголах данной совершаемости нередко оформляется формой Sg, имея значение Pl, и ставится в Nom. вместо ожидаемого Acc. (бесконечные споры о так называемом неоформленном падеже я оставляю в стороне). В глаголе множественность действия выражается специальным показателем (независимо от количества объектов — Du или P1) — либо простым, либо усложненным: *Nunu na qur qənnə. Quššal suryp* (Nom.Sg) *qət-qyl-ny-ty* (убить-Plur.-Aor. / Indikat.-3Sg) ‘Потом тот человек пошел. Сколько-то птиц подобывал’; *Nunu ätä-m-ty* (олень-Acc.Sg-Px3Sg) *or-qül-ny-ty* (хватать-Plur.-Pres. / Indikat.-3Sg; *or* ‘сила’; *or-a-qo* ‘хватать’); ‘Потом оленей поймал’ (букв. ‘ловил, хватал’); *Pü* (камень-Nom.Sg) *уку čatt-ül-šl-ty!* ‘не бросай (много раз)’. Судить о том, будет ли субъект один (как в приведенных примерах) или их будет много, можно по окончанию глагола.

1в). Одно и то же действие, неоднократно повторяемое, осуществляют одновременно многие субъекты, что находит выражение в глагольном окончании, причем объектов чаще бывает много: *Ija-i-m-ty* (ребенок-Pl-Acc.-Px.3Sg) *qət-qyl-p-šlyt* (убить-Plur.-Imperf.-3Pl) ‘Де-

тей его долго убивали = детей поубивали’. Plur. такого рода (при многих субъектах) образуется только от переходных глаголов и обязательно в сочетании с суффиксом совершаемости Dugat. *-mru / -ru* (в приведенном примере — *-p- < -ru-*), который имеет также значение Imperf.Indikat. В данном примере отмечена множественность как в объекте, выраженном существительным (показатель *-i*), так и в повторяющихся действиях, передаваемых глаголом с суффиксом *-qyl*. Нередко, принимая во внимание, что в селькупских односоставных предложениях преобладают включенно-личные предложения, количество не только субъектов, но и объектов можно определить только по глагольному окончанию. В свое время Л. А. Варковицкая обратила внимание на случаи появления у глагола при использовании форманта Plur. *-qyl* качественно нового значения, как напр., в глаголе *taqo* ‘зарыть’: *taq-qyl-qo* ‘собрать’ (т. е. много, многократно зарывать). Напр.: *Nyny taq-qyl-s-šyt. Okkyr mynty passšyt* ‘Потом собрали (их многих). В одну кучу сложили’ (речь идет об убитых в ходе долгой битвы) [Варковицкая 1947: 106]. Очевидно, что многих убитых собирали многие убивавшие их люди.

Данная совершаемость при наличии многих субъектов и единичном объекте практически в текстах не встречается.

Если в указанной выше паре глаголов (*taqo / taqqylqo*), по мнению Л. А. Варковицкой, произошло изменение значения в результате прибавления к основе суффикса *-qyl*, то ряд глаголов в баишенском говоре, по материалам того же автора, без показателя множественности не употребляется вообще. К ним отнесены *po-qyl-qo* ‘выкопать’, *sy-qyl-qo* ‘вырыть яму’, *ta-qyl-qo* ‘вытереть’, *šü-qyl-qo* ‘скрести’, *sy-qal-qo* ‘нюхать табак’, *qo-qyl-qo* ‘распилить’, *par-qyl-qo* ‘доить’ и др. [Варковицкая 1947: 100—101] (везде сохранена транскрипция Л. А. Варковицкой, однако в целях унификации подачи примеров произведена замена *ь* на *у*, *у* на *й*). Среди перечисленных глаголов есть такие, которые, как показывают полевые материалы, собранные в 1998—1999 и 2002—2003 гг. автором данной статьи, и материалы 1960—1970 гг. [Очерки 1980], встречаются в районах проживания тазовско-туруханских селькупов и без показателя Plur. *-qyl*, правда, в ином значении, чем они даны у Л. А. Варковицкой (напр.: *qoqo* ‘увидеть, найти’). Другие зафиксированы в том же значении, что и у Л. А. Варковицкой и тоже только с показателями множественности (*šü-qyl-qo*, *par-qyl-qo*), третьи не засвидетельствованы вообще. Разновидностью подобной мультисубъектной совершаемости, образуемой только от непереходных глаголов, можно считать случаи выраженности субъекта

в форме собирательности (Coll): *Росĉĉэпул ту 5л'ĉ-ăл-уыр-5тыт* 'Листва / листья падают'.

1г). Регулярно повторяемое или длящееся действие, производимое многими субъектами, по смыслу своему может быть множественным (Plur.), но при отсутствии объекта оно бывает выражено совершенностью, образованной от непереходных глаголов, часто в сочетании с суффиксом *Intens-perf.* совершенности *-i-l'ĉy* или *ĭ*, формально совпадающими с показателями возвратности, в связи с чем можно говорить о синкретизме значений *Refl / Intens.-perf.* Напр.: *Нупу на ĉи онту карра ыт-ĭ-ја* ('Потом это ведро само на огонь / очаг повесилось'), *5ăн wăĉy онту карра потыĉ-ĭл'ĉ-а* ('Олень мясо само на огонь сложилось'), *Муšылă тур-ĭ-ја, ĉи коннă тотт-ĭ-ја* ('Варясь закончилось = сварилось, ведро с очага поставилось').

Типологический анализ языков генетически разных языковых семей вряд ли может быть адекватен без учета всех тонкостей того или иного языка. Особенно трудны случаи, где нарушены формальная и смысловая выраженность отношений между субъектом, объектом и действием, что было продемонстрировано в данном параграфе.

2. Семантическая рекуррентность суффиксов.

2а). В многосложных основах обычно появляется усложненный вариант суффикса, возникший в результате объединения в один двух разных формантов с одним и тем же значением: *pol-ε5l-lă* 'проглотив (много кусков)' < *el* + *5l* (Plur. + Plur.); *nyt-qyllei-ty* 'разорвал на части' < *qyl(l)* + *ei* (Plur. + Plur.). В приведенных примерах с семантической рекуррентностью сложному суффиксу сопутствует усиление значения Plur., передаваемого им. Точно так же может усиливаться значение *Intens.* (*nyt-qylel'ĉi-ty* 'совсем поразорвал' < *qyl* + (*el'* + *ĉi*) = Plur. + *Intens.* + *Intens.*); Imperf. (*mi-nnenD-ap* 'Я даю' < *nDy* + *enDy* = Imperf. + Imperf.) и т. п.

2б). При семантической рекуррентности суффиксы подвергаются ассимиляции, возможной также между деривационными и реляционными показателями, как в глаголе *5тпу-тмунт-5тыт* (< *тпу* + *nty*, где *-тпу* Durat., *-nty* Pres.Latent., *-5тыт* 3Pl) 'посидели долго'. Ср. случаи морфемной (суффиксальной) рекуррентности в русском и древнерусском языке (*цел-ост-н-ость*, зл-*ост-н-ост-н-ый*, *шип-ов-ник-ов-ый*, *груб-и-ян-и-ть*; *раб-ич-ичь*, *сестр-ич-ичь*). В древнерусском наблюдается чисто семантическая рекуррентность без формальной в ряде слов, в которых дублировалась категория *potina agentis* в словах мужского рода (*дѣ-л-а-тель-никъ*, *служ-и-тель-никъ*, *обит-а-тель-никъ*, *пис-*

а-тель-никъ) [Кузнецова 1973: 145–151]. В отличие от селькупского языка, в русском встречается и префиксальная рекуррентия (особенно распространенная в диалектах): *по-по-мн-и-ть*, *по-по-льз-ов-а-ть-ся*.

3. Суффиксальные цепочки.

Суффиксы аспектуально-акциональной деривации нередко образуют длинные цепочки, число показателей в которых может достигать до пяти и даже более, напр. *am-k-el-el + či-mp-at* (*am*-Usus.-Plur.-Intens. + Intens.-Durat. / 3Sg.Imperf.Indicat.) ‘ест обычно много кусков очень активно и долго; жрет’). Цепочки возможны не только при простых, но и при связанных корнях; напр., *qam / qamp / qamt* — связанная основа: *qamtä* ‘ниц, ничком, лицом вниз’; *qamtyqo*, *qamtälqo* ‘всыпать, высыпать’; *qamtalyqo* и *qampolĩmpyqo* ‘опрокинуть’. В цепочке из семи деривационных морфем после этого корня

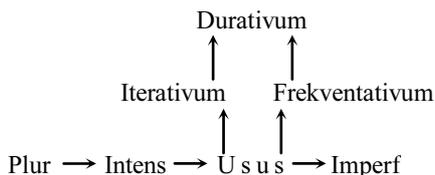
qamp -ol' *-i + lč-* *-enty-* *-kky-* *-l'oly-mpy -qo*
qamp -Frekv.-(Refl./Intens.-perf.)-Imperf./Fut-Usus -Iterat.-Durat.-Inf.
 ‘часто и интенсивно опрокидываться / наклоняться обычно не до конца и неоднократно длительное время (о лодке)’

последовательность *-kky'l'olypy-* фактически представляет собой морфемный блок, означающий обычное многократно повторяемое длительное действие. При длинных цепочках происходит десемантизация (или «затуманивание» значения) почти всех суффиксов, кроме последних (одного-двух). Признавая допустимость и правильность подобных образований, носители языка, по их собственным словам, так не говорят.

Можно привести еще один аналогичный пример: *tall'ymčtekkyl'olypyqo = tall'-y / i + mčt-ε-kky-l'oly-mpy-qo* (*tall'*-Refl / Intens.-perf. + Refl.-Usus-Iterat.-Durat.-Inf.) ‘ломать(ся) усиленно, обычно многократно, в течение длительного времени’. В этом примере сравнительно редкий в селькупском языке суффикс *-mčt* встречается в обратном словаре тазовско-туруханского диалекта селькупского языка, составленном О. В. Захаровой [Очерки 2002], на ≈ 1600 глаголов встречается с ним менее 70 раз, а в работе [Варковицкая 1947: 196—208] глаголов с этим суффиксом приводится чуть более 20. Называя глаголы с данным суффиксом возвратными, надо помнить, что среди них (как и в ненецком языке) далеко не все передают «действия, исходящие от субъекта и направленные на него же» [Варковицкая 1947: 209]. В селькупском языке есть такие глаголы с суффиксом *-mčt*, которые помимо собственно видового (общего) значения (значения Reflexiva tantum), передают акциональный оттенок интенсивности и

полной исчерпанности действия. По словам Л. А. Варковицкой, «основное их отличие от соответствующих суффиксов интенсивного вида заключается в том, что суффиксы *-m̄i*, *-č̄i* закреплены за глаголами определенного значения... к тому же (глаголы) всегда являются непереходными, а суффиксы интенсивного вида могут быть присоединены к любому глаголу, если это, конечно, не будет противоречить семантике последнего» [Варковицкая 1947: 210]. Данный вопрос для типологов, часто получающих из вторых рук материал при сравнении языков, далеких по происхождению и структуре и описанных неравноценно, является трудно решаемым.

4. Ранговая структура аспектуальных показателей имеет некоторые предпочтения. Так, обычно показатель *Durat.* *-mpy* /-ру замыкает цепь суффиксов (см. два последних примера в пункте 3), и его дистрибуция шире многих других формантов. В обратном словаре селькупского языка [Очерки 2002] числится более 350 (22%) глаголов с показателем *Durat.* (из них 330 с суффиксом *-mpy*). Помимо цепочек, возможны кластеры аспектуальных суффиксов, что можно показать на примере небольшого фрагмента возможной сочетаемости нескольких совершаемостей:

Следует отметить, что показатель *Durat.* омонимичен временному показателю, никогда не встречающемуся перед показателем инфинитива *-qo*.

5. Взаимозависимость между конкретной совершаемостью и семантикой глагола.

В селькупском языке (как, видимо, и в любом другом) нет таких глагольных основ, от которых могли бы быть образованы все совершаемости. Наиболее регулярными являются совершаемости *Iterat.*, *Usus*, *Durat.*, *Imperf.*, *Intens.-perf.*, *Plur.* (то есть приблизительно третья часть всех способов глагольного действия). Л. А. Варковицкая добавляет к данному перечню наиболее активных совершаемостей еще *Breviat.* и *Inkhoat.* (называемых ею «видами», как и прочие

совершаемости). Все они образуются от глагольных основ, относящихся к самым разным семантическим группам слов.

Однако в ряде случаев между конкретной совершаемостью и семантикой глагола существует семантическая взаимозависимость. В свое время на зависимость совершаемостей от семантики указывал И. И. Мещанинов, также называя их «видами»: «Виды глагола зависят от семантики самого глагола и поэтому оказываются менее синтаксичны, чем другие категории глагола» [Мещанинов 1945: 254; 247]. Напр., глаголы аттенуативной (смягчительной) совершаемости с суффиксом **-иуq** встречаются от глаголов на **-ñy**, означающих ‘запах и вкус’: *wəšy-ñy-ǵo* ‘пахнуть мясом’ > *wəšy-ñuqy-mpy-ǵo*, где **ñuqy** < *ñy* + *uqy* (мясо-ñy-Atten.-Durat.-inf. ‘попахивать мясом’); *paŋy-ñuqy-mpy-ǵo* ‘попахивать подгоревшим’; *apty-ñuqy-mpy-ǵo* ‘припахивать чем-либо’ (*apty* ‘запах’); *purǵy-ñuqy-mpy-ǵo* ‘попахивать дымом’; *səǵy-ñuqy-mpy-ǵo* ‘подсластить’; *ǵampr̥i-ñuqy-mpy-ǵo* ‘попахивать тряпкой’ и т. п.

Суффиксы Durat. **-mp** (1 спр.) / **-p** (2 спр.) особенно характерны для глаголов с акустическим и световым значением (*čili-mpy-ǵo* ‘звенеть’, *ruǵy-mpy-ǵo* ‘храпеть’, *čely-mpy-ǵo* ‘светить’, *lañk-(y)mpy-ǵo* ‘сверкать, о молнии’). Традиционно (что подтверждается сказками) глаголы со значением ‘слушать’ (*ñjkył-ty-mpy-ǵo*) и ‘смотреть, посмотреть’ (*manym-ry-ǵo*) также относятся к длительной совершаемости (Durat.).

Суффиксы дуративной совершаемости свойственны также глаголам звучания (в широком понимании этого слова), среди которых немало глаголов со связанными основами: *sŷč-(y)mpy-ǵo* ‘свистеть’ (ср. *sŷčolǵo* ‘свистнуть’), *karñy-mpy-ǵo* ‘шуршать’, *koŋ-(y)mpy-ǵo* ‘говорить’ (*koŋ-alty-ǵo*; в.-таз. *mulympyǵo/mulaltyǵo* ‘говорить/рассказать’) и других, часто относящихся к оноματοпоэтической лексике.

Глаголы с суффиксом **-m̄t** выражают душевные состояния, переживания субъекта (*ñeñi-m̄t-ǵo* ‘рассердиться’, *nyrǵy-m̄t-ǵo* ‘испугаться’, *laŋy-m̄t-ǵo* ‘рассмеяться’), мгновенные действия (*karñy-m̄tǵo* ‘прошуршать’, *putył-m̄t-ǵo* ‘выскочить’, *pičil-m̄t-ǵo* ‘промелькнуть’, *ruŋy-m̄t-ǵo* ‘вскочить’), звуковые явления (*raŋy-m̄t-ǵo* ‘загремять’, *ǵony-m̄t-ǵo* ‘прогремять’). Последние часто образуют пару с глаголом длительного действия: *ǵony-m̄t-ǵo* — *ǵony-mpy-ǵo* ‘гремять’, *sæǵly-m̄t-ǵo* — *sæǵly-mpy-ǵo* ‘звенеть’.

Некоторые суффиксы передают атмосферные явления (*terk-aly-ǵo* или *terk-äly-ǵo* ‘заветрить’).

Таким образом, даже на ограниченном материале можно увидеть некоторые общие закономерности. Очевидно, что состав и диапазон совершаемостей не совпадают в разных языках, хотя во многих слу-

чаях сходство способов глагольного действия налицо. В селькупском языке (и в русском, как показал в свое время С. О. Карцевский) приемы внутриглагольного словопроизводства представляют собой ряд наслоений, «ступеней» [Karcevski 1927: 96]. Одни глаголы в силу своей общей и индивидуальной семантики допускают более разнообразные смысловые модификации значения, другие — менее. Наиболее широкая шкала совершаемостных значений характерна для глаголов звучания и передвижения в пространстве.

С о к р а щ е н и я

Acc.	— Accusativ	Intens.	— Intensiv
Aor.	— Aorist	Intens.-perf.	— Intensiv-perfectiv
Brev.	— Breviativ	Pl	— Pluralis
Durat.	— Durativ	Plur.	— Pluralitativ
Imperf.	— Imperfect	Px	— Possessiv
Indikat.	— Indikativ	Refl.	— Reflexiv
Inkhoat.	— Inkhoativ	Sg	— Singularis

Л и т е р а т у р а

- Варковицкая 1947 — *Варковицкая Л. А.* Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). М., 1947 (рукопись канд. дис.).
- Захарова 2002 — *Захарова О. В.* Обратный словарь // Очерки 2002.
- Исаченко 1960 — *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
- Мещанинов 1945 — *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945.
- Кузнецова 1973 — *Кузнецова А. И.* Словообразовательный круг // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. Вып. 6. М., 1973. С. 145—151.
- Очерки 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М., 1980.
- Очерки 2002 — *Казакевич О. А., Кузнецова А. И., Хелимский Е. А.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. III. М., 2002. С. 147—169.
- Прокофьев 1935 — *Прокофьев Г. Н.* Селькупская грамматика. Л., 1935.
- Прокофьев 1937 — *Прокофьев Г. Н.* Ненецкий (юрако-самоедский язык) // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.; Л., 1937. С. 3—52.
- Karcevski 1927 — *Karcevski S. O.* Système du verbe russe. 1927.